

Елена ОВЧАРОВА

Лавочка на берегу

Самое важное иногда начинается совсем не интересно. И выглядит со стороны как заурядное событие.

В тот день на улице было не просто жарко: кажется, камни на берегу раскалились от зноя и могли обжечь босые ноги. Пахло сухой пыльной травой, хотя лето было в самом разгаре. На берегу, на некрашеной деревянной лавочке, в тени разросшегося куста черёмухи сидел человек. Не первый день сидел. Ходить по такой жаре ему было явно тяжело (ноги давно утратили былую лёгкость), да и некуда. В старенькой пиджачной паре, в кепочке какой-то замусоленной, в несгибаемых ботинках эпохи развитого социализма он появлялся на этой лавочке часов в десять утра и уходил ближе к вечеру. Недалеко уходил: дом его стоял у него за спиной, только дорогу перейти — и вот он, дворик, в котором спал на цепи пёс, такой же старый, как его хозяин.

На лавочке было уютно. Ветки надёжно прикрывали дедушку: со спины — от дороги, сверху — от солнца. Перед ним была только река, от которой струились слепящее сияние и спасительная прохлада. Что дед видел на водной глади и дальше, в зелени сопки, толпящихся рядом с противоположным берегом, неизвестно. Очки со стёклами такой толщины, что глаз было не видно, делали его похожим на стрекозу из детской книжки. А может, он и не пытался что-нибудь рассмотреть впереди. Может, перебирал в памяти то, что оставил позади, в ушедших зимах и летах. Иногда с дороги был виден лёгкий дымок, поднимающийся с лавочки: дед курился, как маленький бережный вулканчик.

За это лето он, казалось, сросся со своей лавочкой. Пассажиры рейсового автобуса, который делал в этом месте крутую дугу вместе с дорогой, привычно отмечали глазом проблеск дедовых очков сквозь листву черёмухи. Самого его можно было увидеть, лишь спустившись с проезжей части на берег шагов на пять. Автобусы проезжали мимо лавочки каждый час в одну сторону и с такой же периодичностью обратно. Других машин было мало. Пару раз пронёсся, правда, туда — обратно странными зигзагами синяя бойкая «шестёрка» (водитель то ли неумел, то ли пьян), но и она не нарушила покоя сонной

набережной, изнемогающей под палящим солнцем.

Молодая мама с двумя детьми, кудрявой девочкой и глазастым мальчиком, появилась на берегу, у самой воды, когда дед ещё не покинул свой пост. Видимо, троица направлялась на остановку, но до приезда автобуса было ещё минут пятнадцать, и семейство осторожно спустилось с дороги по горячим камням, чтобы войти в реку по щиколотку и поплескаться в прохладной воде. В тот момент, когда они уже стали медленно подниматься наверх, пробираясь наискосок, ориентируясь на лавочку (именно за ней, на другой стороне дороги, была остановка), слева показалась та самая шальная «шестёрка».

...И время остановилось. Машина явно не вписывалась в поворот, её выносило прямо на смертельную диагональ: край дороги — лавочка — трое на склоне. Синее пятно... дооооолго летело за край... потом плаааавно скрылось с глаз за кустом черёмухи... и дооооолго-дооооолго не показывалось оттуда. Трудно было предположить, куда тонна металла дальше направит своё неуправляемое движение: прямо, чуть левее, чуть правее? Женщина застыла, не двигаясь и не дыша. За её левую руку держался худенький мальчик, за правую — курносая девочка в кружевной красной шляпке. Было очень тихо. Только два маленьких сердечка испуганно частили. Сердце матери молчало. Не слышно было и сердца старика.

Тишина лопнула неожиданно. Стали слышны будничные, нестрашные звуки: с рёвом прошла по реке против течения тяжело гружённая моторная лодка, посыпались мелкие камушки из-под онемевших ног, хлопнула невидимая калитка, прошлёпали по дороге чьи-то торопливые шаги. Из-за поворота показался горячий автобус, из него стали выходить чуть примятые пассажиры,

оглядываясь на край дороги. Там, сразу за большим кустом черёмухи, ниже проезжей части шагов на пять, лежала на крыше весёлая синенькая машинка. Одно её колесо продолжало по инерции вращаться. Рядом с машиной уже собрались люди, у них были хмурые лица. Подъехала «скорая».

Кудрявая девочка и глазастый мальчик не могли видеть того, что происходило на берегу — автобус уже вёз их домой. Они

Как по горячим камням. Тогда по маминим щекам потекли медленные слёзы.

А детей с тех пор начал навещать перед сном сухонький молчаливый ангел, от которого пахло пыльной сухой травой и крепким табаком. В старенькой пиджачной паре, в кепочке какой-то замусоленной, в несгибаемых ботинках эпохи развитого социализма, он бесшумно появлялся в полутёмной детской, садился на край постели то к девочке, то к мальчику, и

Коллаж Елены СТЕПАНОВОЙ

не разговаривали, не улыбались, сидели с прямыми спинками, продолжая держать за мамыны руки. Мальчик — за левую, девочка — за правую. Женщина вдруг почувствовала, как сердце в её груди стало осторожно раскачиваться, будто переминаясь с ноги на ногу. Потом оно пошло. Судорожными болезненными шажками.

молча смотрел сквозь свои стрекозьи очки куда-то далеко. Дети никогда не спрашивали у него ни о чём. Им и так всё было понятно. Через какое-то время старик начал куриться, как маленький вулканчик, и растворяться в кудрявом дыму. Но это не мешало детям спать и видеть счастливые летние сны.

Продолжение. Начало на стр. 15

Врачи нашли причину моей болезни: не замеченный поначалу перелом бедра сделал дело — сепсис, септический шок, клиническая смерть; и поражение остеомиелитом уже всего таза, тазобедренных суставов, бедренных костей. Вскрыли бедро да так и оставили торчащую полугнившую кость. «Мы не знаем, что делать, она умирает, ей нужен только хороший уход», — говорили они сестре, приехавшей ухаживать за мной. Сестра ухаживала. Говорить было тяжело, язык не слушался, отекала сильно вся, ничего не могла: ни перевернуться, ни одеяло поправить — ни-че-го, слабость и полное отсутствие сил.

Помню, сестра по ночам, когда я особенно тихо дышала, наклонялась и громким шёпотом спрашивала: «Наташа, ты дышишь?». Недавно, вспоминая это, Оля засмеялась, мол, всегда думала, что ты меня сейчас одёрнешь резко, — «да сплю я и ты давай спи, чего будишь меня?», а ты серьёзно так отвечала: «да-да, всё хорошо, спасибо, я дышу». Сестра держала мой мозг «в сознании»: предлагала вспомнить то одно, то другое. Иногда воспоминания приходили без всякой помощи.

* * *

— Папа, почему война бывает?

— Потому что люди захватчики по своей

натуре, им хочется всего больше, чем у них есть, вот и сражаются за свои интересы.

— Так ведь смотри, сколько смертей, сколько горя от этого, почему нельзя мирно договориться обо всём?

— Если бы всё человечество мыслило как ты, дочь, то людям было бы скучно жить.

* * *

Я медленно угасала. Врачи разводили руками: «Не перемещайте её, только перевязки, может оторваться тромб или повтор септического шока». Сестра плакала в туалете, а в палату заходила бодро, методично и спокойно продолжая ухаживать за мной. «Опасно перемещать» означало одно: «всё, просто ждём».

Мы с сестрой молились. Про себя я молилась своими словами: «Господи, прости меня, пожалуйста, за всю мою жизнь бесполовую. Сделай что-нибудь, Господи, не оставь меня и сына моего не оставь!».

Стало хуже — и снова реанимация. Только я уже не задышалась, мне хорошо, я понимала, что это не в моей власти и силе, и что Бог дал мне отсрочку, чтобы я переосмыслила свою жизнь и себя, и вот Он меня сейчас наконец заберёт, ведь я готова, и сил нет никаких — нет давления, ничего нет, дыхание еле-еле. Только Оленьки-то,

сестры, рядом тоже нет, вот тут слёзки покатались.

Утром, на второй день в реанимации, меня раскрыли мыть, а до колен на обеих ногах у меня огромные ожоги, — горелую чёрную кожу снимали пинцетом. Я смотрела на эти новые раны, кое-где глубокие до кости, и думала: значит ещё не всё, ещё одно испытание, значит так надо. Я верила. Просто чтобы нарушить иногда тишину, спрашивала у перевязочных медсестёр — а заживёт? Мне отвечали: конечно, никуда не денется! И забинтовывали эти ожоги.

Только сестре я рассказала, какой той ночью в реанимации мне снился сон: я военный лётчик, прыгаю с парашютом, самолёт горит, я спасаюсь, но вот ноги и обгорели. Потом, через год, комбустиологи могилёвской больницы, которые рискнули меня взять к себе в ожоговое отделение и сделать серию операций, чтобы спасти меня, сказали, что в тот момент сепсис метался по организму, как огонь, и очень хорошо, что последний удар он нанёс в ноги, а не поразил другие органы.

У всех хирургов и военных хорошее чувство юмора, между прочим!

Ноги долго заживали, один год и два месяца, две пересадки кожи. Но это — мелочи по сравнению с тем, что в мае 2012 года

сестре сказали: «Мы подходим к финишу, оставьте её в покое, не транспортируйте никуда, дайте ей спокойно умереть». Это действительно было сказано с заботой, так как у них не оставалось сомнений — я угасала.

* * *

— Хочу ещё сказку, ещё расскажи! — сестра Лёля дёрнула меня за плечо и никак не засыпала, а мне очень хотелось спать.

— Уже кончились все сказки, сколько можно, давай спать, завтра расскажу! — сопротивлялась напору я.

— Нет, расскажи! — уже начинала ныть шестилетняя сестра, и проще было рассказать.

Но что? — коль всё уже рассказано!..

— Слушай, я тебе расскажу настоящую сказку, честную, про войну, только если потом сразу заснёшь, договор?

Младшая сестра готова на всё, лишь бы слушать и не лежать в тишине.

— В 1941 году началась Великая Отечественная война, фашистская Германия напала на нашу страну и все люди от мала до велика отправились на защиту нашей Родины, — я увлеклась рассказом и не заметила, как Оля заснула, держа мою руку в своей.

Окончание в следующем номере